ББК 63.3(2)43-7
В 27

Издание осуществлено при финансовой поддержке администрации Великого Новгорода и Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Редколлегия: А. А. Гиппиус, Е. Н. Носов, А. С. Хорошев

Фото на контртитуле — В. Л. Янин на раскопках в Новгороде в июле 1996 г. (автор фотографии — А. И. Овчинников)

В27 **Великий Новгород в истории средневековой Европы.** К 70-летию В. Л. Янина. — М.: «Русские словари, 1999. — 467 с. — ISBN 5-93259-007-6

Сборник посвящен 70-летию выдающегося российского археолога и историка В. Л. Янина, чья жизнь и деятельность неразрывно связаны с Новгородом Великим. Книга содержит статьи, посвященные археологии и истории Новгорода (X-XVI вв.) и сопредельных территорий. В них на основе анализа письменных источников, в т. ч. берестяных грамот, а также разнообразного археологического и нумизматического материала обсуждаются общие и частные вопросы истории Новгорода и его соседей. Здесь также впервые публикуются новые археологические находки и памятники искусства.

Книга рассчитана на специалистов — историков, археологов, филологов, искусствоведов, — но, несомненно, будет полезна всем, кто интересуется историей России.

ББК 63.3(2)43-7

ISBN5-93259-007-6

© Издательство «Русские словари», 1999

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Предлагаемый вниманию читателей сборник посвящен 70-летию выдающегося отечественного археолога и историка Валентина Лаврентьевича ЯНИНА, чья жизнь, научные интересы и творческая деятельность неразрывно связаны с Новгородом. Именно поэтому, когда задумывался юбилейный сборник, было решено ограничить его содержание проблемами археологии и истории Новгорода и сопредельных территорий, а также анализом места Новгорода в истории и культуре средневековой Европе. Отсюда и название сборника, и круг его авторов, среди которых ученики, коллеги, друзья Валентина Лаврентьевича. Несомненно, их число гораздо шире участников нашего сборника.

Несмотря на кажущуюся географическую ограниченность, сборник объединяет статьи, чрезвычайно разнообразные по тематике, жанру и содержанию. Здесь — публикации уникальных древних предметов (Ж. Бланкофф, М. В. Седова, А. Н. Сорокин) и целых категорий археологических находок (А. Р. Артемьев, М. Д. Полубояринова, Е. А. Рыбина, Н. В. Хвощинская, И. Янссон); анализ различного археологического материала (Г. Е. Дубровин, Н. В. Ениосова, В. И. Поветкин, Л. В. Покровская, Л. И. Смирнова, Ю. Л. Щапова), монетных находок и проблем нумизматики (П. Г. Гайдуков, М. Мюллер-Вилле, Т. А. Пушкина, Г. А. Федоров-Давыдов), памятников архитектуры (Вл. В. Седов), искусства (Э. А. Гордиенко) и топографии города (Л. И. Петрова).

Ряд статей посвящен исследованию разнообразных письменных источников, в том числе берестяных грамот (Л. А. Бассалыго, А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк, Т. В. Рождественская, Р. Факкани). В отдельных статьях рассматриваются различные проблемы истории Новгорода (В.Водов, П. Д. Малыгин, Э. Мацуки, П. П. Толочко, А. С. Хорошев, А. Л. Хорошкевич) и его соседей (И. О. Колосова, И. К. Лабутина, Н. А. Макаров, В. В. Седов). В статьях Е. Н. Носова и В. Н. Топорова обсуждаются общие вопросы, связанные с происхождением Новгорода и формированием его населения. Завершается сборник изящным источниковедческим этюдом В. Лефельдта.

Практически все статьи так или иначе связаны с научной деятельностью В. Л. Янина и отражают широкий круг его интересов и знаний: нумизматика, сфрагистика, летописание и актовые материалы, берестя-

ше, то можно предполагать, что византийский интерес к этим районам определился к концу IV — началу V вв.

Восточноевропейские находки из стекла отмечают этапы освоения северных регионов. Первое знакомство Византии с Севером состоялось, надо думать, вскоре после основания Константинополя. Междуречье Днестра и Днепра, отстоявшее на расстояние 400-600 км от северных границ Империи, было областью ее стратегических, политических и, возможно, экономических интересов. Резные сосуды, оконное стекло и мелкие поделки из стекла фиксируют и географические пределы таких интересов, и участие в новых отношениях социальных верхов местных племен.

В следующие столетия византийская дипломатия открыла для себя новую область интересов, расположенную на 1000 км далее к северу. Опираясь только на находки изделий из стекла, можно утверждать, что интерес византийцев к этому региону не был устойчивым и был ограничен кругом местной знати.

Византийские контакты с основным населением рассматриваемых областей в последнюю четверть I тыс. н. э. были, скорее, случайными, чем постоянными. В них были вовлечены торговцы и военные, кажется вероятным, что характер отношений с Византией определяли их собственные интересы и инициатива. Особое место принадлежит контактам с Византией ранних феодальных государств этой части Европы в конце I — начале II тыс. н. э. Кстати говоря, русско-византийские отношения получили красноречивое выражение в стекле — в декоративном убранстве Десятинной церкви есть мозаичные детали, и прекрасные мозаики киевской Софии – творение византийских мозаичистов.

Помимо государственных контактов имели место непосредственные отношения местного населения с византийскими торговцами, которые вели свои дела на свой страх и риск.

Кроме того, древняя Русь была постоянным и активным потребителем предметов роскоши византийского происхождения, которые поступали в русские княжества на протяжении всего домонгольского времени.

Проведенные морфологические и химико-технологические исследования и найденные критерии отнесения стекол к числу византийских позволили составить корпус византийских стеклянных изделий (с IV до начала XIII вв.), установить способы (торговля, дипломатические подношения и царские подарки), направления (с юга на север и, наоборот, с севера на юг) и пути проникновения византийских стеклянных изделий на Север Европы (днепровский, донской, северокавказский, волжский, янтарный, через Балтийское море и далее — «из варяг в греки» или на Север через Двину, Шексну и Белоозеро), историко-культурную роль разных изделий: дипломатические подношения и царские подарки (для сосудов с росписью и сложным резным декором), для оконного стекла и части мозаичного декора, статья торговли — для браслетов, бус и других украшений.

Е. Н. Носов

РЕЧНАЯ СЕТЬ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ЕЕ РОЛЬ В ОБРАЗОВАНИИ ГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ СЕВЕРНОЙ РУСИ

В истории государств, наряду с факторами этническими, социальными, политическими и экономическими, важное место, особенно на начальных этапах формирования территорий, принадлежит природно-географическим условиям тех или иных регионов. В истории Древней Руси эти факторы сыграли весьма значимую роль.

Особое место в изучении влияния природных условий на историю страны несомненно занимает С. М. Соловьев, хотя и до него на них неоднократно обращали внимание отечественные историки. Именно С. М. Соловьев первым в полной мере привлек рассмотрение природных особенностей Восточной Европы для концептуального объяснения целого ряда характерных черт истории России[1]. Не меньшую роль оценка естественно-географических условий играла и в обосновании общей концепции русской истории В. О. Ключевского, который во многом отталкивался от выводов своего учителя[2]. Труды С. М. Соловьева и В. О. Ключевского — признанные краеугольные камни исторической науки, отмечающие основной ход исследовательской мысли в России во второй половине XIX — начале XX вв. Оба патриарха отечественной истории подчеркивали несколько важнейших природных особенностей Восточной Европы и, прежде всего, огромные размеры территории, ее равнинный характер, густую залесенность страны и развитую сеть речных систем. Именно эти факторы позволили рассматривать древнейшее прошлое восточного славянства как историю постоянной колонизации почти пустующих новых земель, при которой реки являлись основными путями расселения и местами хозяйственной деятельности. Направления рек определяли направления движения и распространения государственности, а речные системы обуславливали места образования городов и областей. «В первоначальном племенном, как и в сменившем его областном, земско-княжеском делении древней Руси, — писал В. О. Ключевский, — легко заметить это гид-

[1] Соловьев 1988: 56-73.

[2] Ключевский 1956: 30 и сл.

рографическое основание»[3]. На таких исходных позициях формировался целый ряд дальнейших обобщающих (отнюдь не тождественных) представлений С. М. Соловьева и В. О. Ключевского. Их взгляды на роль природной среды как важнейшей предпосылки формирования особенностей русской истории оказали огромное влияние на всю отечественную историографию, в первую очередь, на работы, специально посвященные исторической географии, появлявшиеся в последней трети XIX в. и одна за другой в начале XX в.[4]

В советской исторической науке второй половины 1920-х — начала 1930-х гг. в процессе активного внедрения идей марксизма, предполагавших примат социально-экономической обусловленности всей эволюции экономики и общественных структур, роль географических факторов и их влияние на характер исторического развития если уж не совсем замалчивались, то отходили на второй план. Вполне естественно подверглись критике и взгляды основных лидеров русской дореволюционной («буржуазной») науки, прежде всего С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, в том числе подчеркивалось преувеличение ими роли природной среды в ущерб иным факторам. Показательно, как «с марксистских позиций» оценил построения русской дореволюционной науки М. Н. Покровский. Он признавал «колоссальное влияние» С. М. Соловьева — и прямое, и «в особенности посредством Ключевского», — но был уверен, что «лет через пятнадцать-двадцать читать Соловьева и Ключевского перестанут, как теперь никто не читает уже Карамзина»[5]. Это отношение, хотя обычно в более сглаженных формах, сохранялось долгое время. Сама история, однако, рассудила иначе и внимание к научному творчеству С. М. Соловьева и В. О. Ключевского не ослабевает. С момента выхода в свет в 1851 г. первого тома «Истории России» С. М. Соловьева прошло почти полтора столетия, но целый ряд его общих замечаний, как и наблюдения В. О. Ключевского об особенностях исторического развития Древней Руси и России, основанных на тонкой исследовательской интуиции, сохраняют свое значение. Сказанное в полной мере касается оценки природного фактора в истории страны, что постепенно стало признаваться в советской науке[6].

В наши дни, когда наряду со сведениями письменных источников можно широко оперировать достаточно надежными обширными данными археологии (как материалами раскопок, так и результатами картографирования древних поселений и могильников), а также топографиями кладов и отдельных монет, имеет смысл еще раз взглянуть на общую естественно-природную ситуацию в Восточной Европе кануна славянского расселения и формирования древнерусского государства. Следует отме-

[3] Там же, с. 64.

[4] Барсов 1873; Кузнецов 1910; Любавский 1909; Середонин 1916; Спицын 1917.

[5] Дмитриев, Ковальченко 1988: 48.

[6] Кизилов 1973: 51-66; Пашуто, Шульгин 1988: 721-739.

тить, что существуют два круга тенденций влияния речных систем на характер исторического развития Руси — общие и локальные. Общие тенденции определяют влияние рек на расселение племен, маршруты международных торговых путей, формирование отдельных земель-княжеств, образование государственной территории, появление главных городов Древней Руси. Локальные тенденции учитывают влияние порогов, волоков, торговых путей, конкретной микрогеографической ситуации на появление сгустков поселений, размещение укрепленных поселков, формирование местных административных и хозяйственных центров.

Прежде всего обратимся к рассмотрению важнейших общих тенденций. Древнерусское государство образовалось на огромных пространствах Восточной Европы. Славянские племена во второй половине I тыс. н. э. занимали здесь площадь приблизительно в 700 000 кв. км[7]. Расстояние между Новгородом и Киевом — двумя главными центрами формирования государственности на Руси достигло по прямой почти 1000 км.

Близость к морю всегда имела важное значение для экономической и политической истории народов. Большинство стран Западной Европы имело выход к морю и значительную береговую линию. Характерной чертой Восточной Европы является ее континентальность. Если больше половины всей территории Европы (51%) расположено менее, чем в 250 км от моря, то для Восточной Европы соответствующая цифра составляет не более 15%[8].

Основную часть Восточной Европы образует крупнейшая на материке Восточноевропейская, или Русская равнина, занимающая почти половину всей территории континента. Это огромное всхолмленное пространство, основная часть которого не превышает высоты 200 м над уровнем моря, а абсолютные высоты находящихся на ней нескольких возвышенностей (крупнейшие из них — Среднерусская, Валдайская, Приволжская) — не более 370 м.

В Восточной Европе много больших рек — восемь из которых имеют длину более 1000 км каждая, а длина Волги — самой значительной реки Европы, составляет 3690 км (ее бассейн охватывает 12% всей площади континента). Вся территория Русской равнины изрезана разветвленными речными системами, относящимися к бассейнам Балтийского, Черного и Каспийского морей. В силу отмеченного рельефа местности реки имеют спокойное течение и большое количество извилин. Зимой от двух до семи месяцев они покрыты льдом, а весной, поскольку у рек преобладает снеговое питание, наступает половодье и резкий подъем уровня воды. Большинство крупных рек берет свое начало в центральной части Русской равнины[9].

[7] Рыбаков 1982: 240.

[8] Дулов 1983: 5.

[9] Там же, с. 5-9.

Важнейшим фактором, который надо иметь в виду, рассматривая природные условия Восточной Европы, является ее густая залесенность. Все водораздельные пространства между реками в I тыс. н. э. еще были заняты тянущимися на десятки километров сплошными лесами и болотами. Письменные источники XII-XVI вв. сохранили массу сведений о лесах и болотах, разделявших отдельные русские земли и зачастую являвшихся непроходимыми в летнее время. Одним из крупнейших лесных массивов, упомянутых еще в Повести временных лет, был «Оковский лес», из которого брали начало такие крупные реки, как Волга, Днепр, Западная Двина[10].

В подобной природной ситуации реки и летом, и зимой оставались важнейшими нитями коммуникаций и единственными путями, по которым шло славянское расселение. Роль рек как зимних дорог ни в коей мере нельзя недооценивать. В этот период года реки представляли собой идеальные ровные санные пути, а замерзшие болота, лишенные густой растительности, позволяли спрямлять расстояния на излучинах рек и преодолевать водоразделы. Кроме того, во второй половине I тыс. н. э. при обилии свободных территорий в первую очередь хозяйственно осваивались берега рек и озер, являвшиеся наиболее удобными для пашенного земледелия. Общая картина размещения поселений и могильников того времени показывает их жесткую привязку к воде. Только в начале II тыс. н. э., по мере совершенствования агротехники и из-за возрастающей земельной тесноты по берегам крупных рек, население начинает осваивать водоразделы. Показательно, что для русских летописцев при рассказе о расселении восточнославянских племен основными ориентирами являлись реки и озера: на Днепре — поляне, между Припятью и Двиной — дреговичи, на Двине — полочане, в верховьях Волги, Двины и Днепра — кривичи, по Десне, Сейму и Суле — северяне, на Соже — радимичи, на Оке — Вятичи, на Ильмене — словене и т. д. Совершенно очевидна основная линия продвижения славянских групп на север — это ось: Днепр — Ловать — Волхов, то есть главная водная линия, пересекавшая восточнославянские земли и основа позднейшего пути «из варяг в греки». Двигаясь с юга, славянское население раздвигало к западу и востоку массив балтских и финских племен.

Ядрами формирования государственности на Руси являлись два ее главных центра, сформировавшиеся на юге и на севере страны, — Киев и Новгород, объединение которых в 882 г. при пришедшем из Новгорода на юг князе Олеге традиционно считается временем образования единого древнерусского государства — Киевской Руси. Вокруг Киева и племени полян объединились южные восточнославянские племена, вокруг Новгорода — северные.

[10] Алексеев 1974: 5-11.

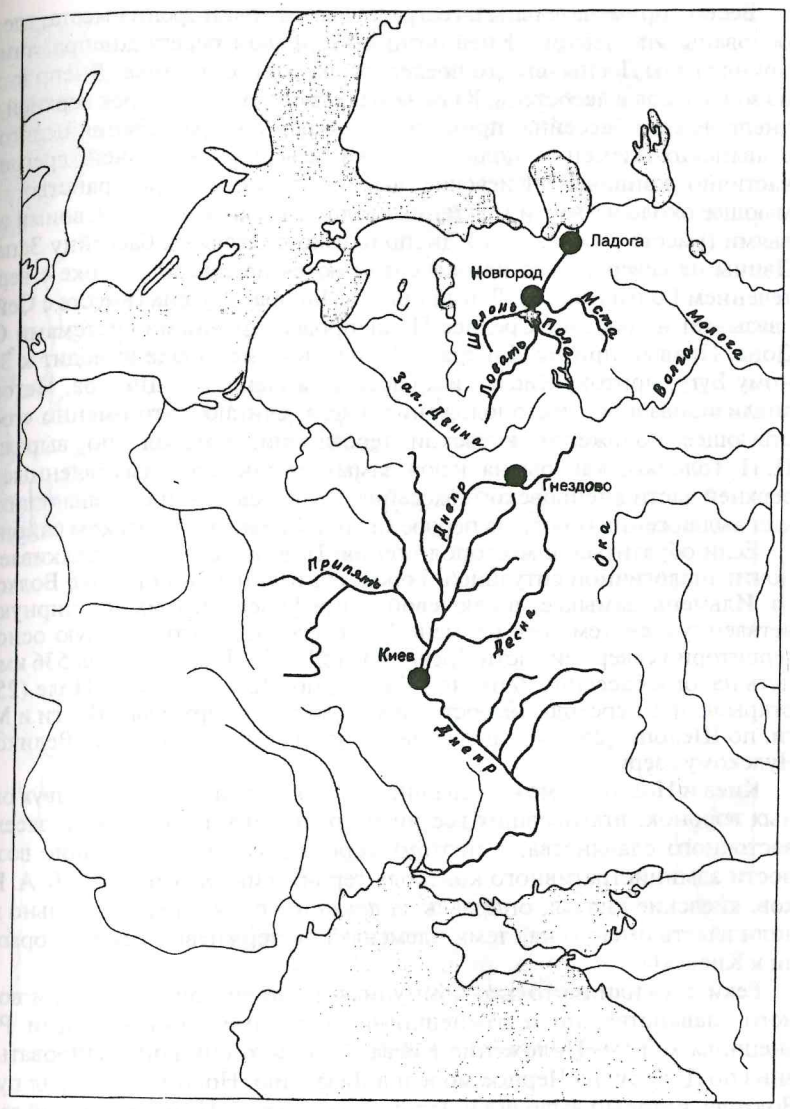

Рис. 1. Схема речных систем Восточной Европы и расположения важнейших центров Киевской Руси

Весьма примечательны с географической точки зрения места, где были основаны эти центры. Киев возник на правом берегу Днепра, там, где, приняв воды Десны, своего последнего крупного притока, Днепр выходит из зоны лесов в лесостепь. Киев замыкает широкую сеть рек верхней части днепровского бассейна, проходивших через зону расселения целого ряда славянских племен — полян, древлян, северян, радимичей, дреговичей, частично кривичей. Киевские высоты запирали пространство, занимающее около четверти миллиона квадратных километров. Своими верховьями (вместе с Березиной) Днепр близко подходит к бассейну Западной Двины на севере, а его истоки сближаются на северо-востоке с верхним течением Волги (рис. 1). Левый приток Днепра — Десна (вместе с Сеймом) связывает на востоке Среднее Поднепровье с речными системами Оки и Дона. Правый приток Днепра — Припять — на западе выводит к Западному Бугу, притоку Вислы, и к бассейнам Немана и Днестра. Историки, анализировавшие местоположение Киева, считают, что именно «господствующее положение киевской территории, которая, по выражению П. П. Толочко, как бы на ключ замыкает широко разветвленные пути верхней части днепровского бассейна, являлось одной из решающих причин выдвижения города на первое место в Среднеднепровском районе»[11].

Если обратиться к местоположению Новгорода, то мы сталкиваемся с почти аналогичной ситуацией. Город, основанный при истоке Волхова из оз. Ильмень, замыкает в ключевой географической точке обширную разветвленную систему рек ильменского бассейна, охватывавшую основные территории северной части Древней Руси[12]. По Ловати (длина 536 км) шел путь на юг к бассейну Западной Двины, по Мсте (445 км) и Поле (258 км) открывались переходы на восток и юго-восток к верховьям Волги и Мологи, по Шелони (253 км) пролегала дорога на запад к бассейну Великой и к Чудскому озеру.

Киев и Новгород можно сравнить с замка́ми на горловинах двух огромных воронок, втягивавших все нити коммуникаций в области заселения восточного славянства, а поэтому города получили блестящие возможности административного контроля территорий. Как полагал Б. А. Рыбаков, киевские князья, опираясь на дружины полян, первоначально получили власть именно над теми племенами, «стержневые реки которых текли к Киеву»[13].

Реки служили не только коммуникациями внутри территорий восточного славянства, но и важнейшими артериями, связывавшими Русь с внешним миром. Положение Киева позволяло ему контролировать путь вниз по Днепру, на Черное море и в Византию. Новгород запирал путь по Волхову, который выводил к Ладоге и далее через Неву в Финский залив и на Балтику (рис. 2).

---

[11] Толочко 1975: 19; Толочко 1987: 16; Рыбаков Б.А. Ук. соч., с. 97-98.

[12] Середонин С.М. Ук. соч., с. 221 и сл.; Носов 1990: 171-172.

[13] Рыбаков Б.А. Ук. соч., с. 99.

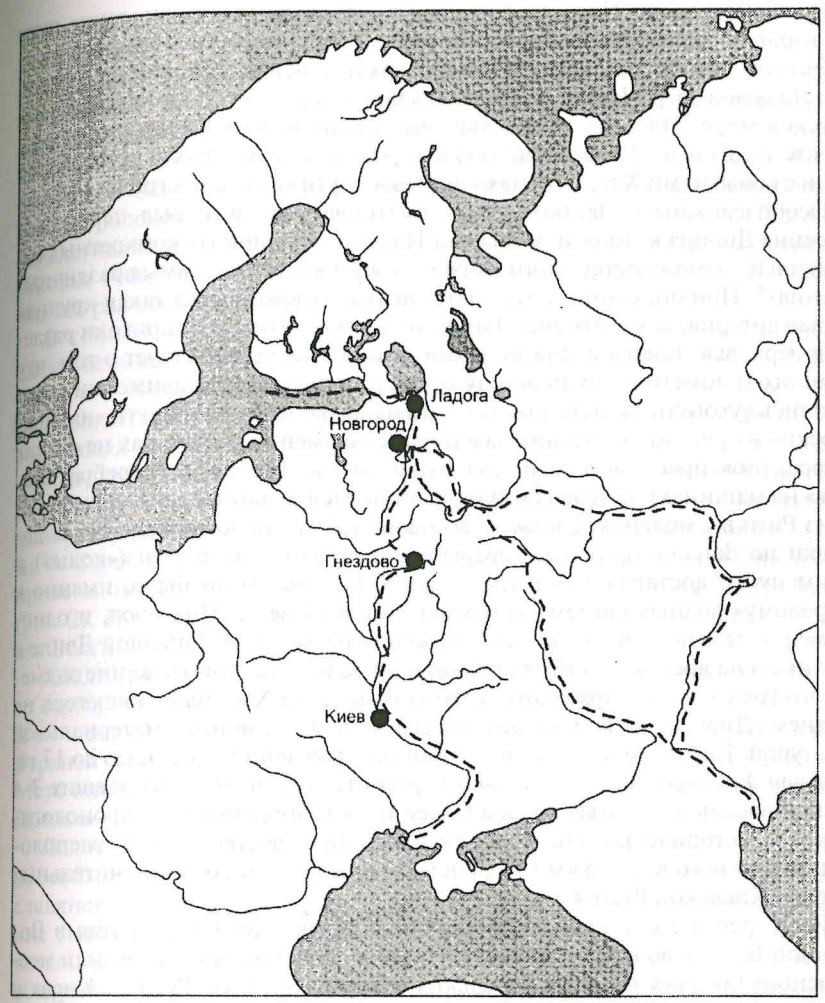

Рис. 2. Главные водные пути Восточной Европы IX-Xвв.

В вводной части Повести временных лет сохранилось описание пути «из варяг в греки», связавшего Северную Европу с Византией. Путь, как повествует летописец, шел «из Грек» вверх по Днепру, волоком до Ловати, а по Ловати в озеро Ильмень, далее по Волхову в озеро Нево и затем в Варяжское море. На этом пути ключевые места заняли Киев и Новгород. Вместе с ними из 10 древнерусских городов, упомянутых в летописях в связи с событиями X в., пять находились на пути «из варяг в греки»[14].

Особо сложным участком на рассматриваемом пути был переход от бассейна Днепра к Ловати, в бассейн Ильменя. По поводу конкретных вариантов и возможностей этого движения высказывались самые различные мнения[15]. При описании пути в летописях не упоминается такая крупная водная артерия, как Западная Двина, хотя именно она и ее притоки разделяли верховья Ловати и Днепр. Возможно, это свидетельствует о том, что по многокилометровому переходу грузы при регулярном движении перевозились сухопутным путем (кстати, ни одна экспедиция по пути «из варяг в греки» на репликах древних ладей или современных шлюпках не смогла «корректно» преодолеть маршрут из Ловати к Днепру, а «перебрасывалась» на машинах). В этой связи напрашивается аналогия с описанием пути из Риги в Смоленск, согласно договору 1229 г., по которому, после доставки по Западной Двине, товары перегружались на телеги («колы») и сухим путем доставлялись в Смоленск[16]. Как бы то ни было, именно к «перелому» водных систем, замыкавшихся на Киев и Новгород, и одновременно дающему возможность движения на запад по Западной Двине к Балтике и на восток — к Волге и Оке, приурочено местоположение знаменитого гнездовского археологического комплекса X в., находившегося на верхнем Днепре и характеризующегося полиэтничной материальной культурой. Комплекс состоял из огромного поселения площадью до 17 га, включая два городища, несколько курганных групп, насчитывавших 3-4 тысячи насыпей, богатых кладов вещей и восточных монет[17]. Хронологически и исторически Гнездово являлось предшественником расположенного от него в 13-15 км Смоленска, одного из наиболее значительных городов Киевской Руси[18].

Итак, речные системы стали каркасом славянского расселения в Восточной Европе во второй половине I тыс. н. э., и они же определили места основания двух главных городских центров Древней Руси — Киева и Новгорода, замыкавших основные водные системы континентальной страны и открывавших внешние выходы за ее пределы к морю. На основ-

[14] Седов 1976: 135.

[15] Бернштейн-Коган 1950: 252-259; Микляев 1992: 133-138.

[16] ПРП 1953: 63.

[17] Авдусин 1991: 11, 19; Пушкина 1996: 20 и сл.

[18] Носов 1993: 72-73.

ном «переломе» водных систем Черного и Балтийского морей возник Смоленск.

Теперь на примере рассмотрения северной части Руси остановимся на роли речных систем в процессе сложения отдельных государственных земель и городов. Одним из важнейших факторов, повлиявших на характер размещения населения в Приильменье и на сопредельных территориях, на социально-экономическое развитие тех или иных районов, формирование раннегородских центров и установление границ тяготевших к Новгороду земель, являлось прохождение крупных торговых и военных путей средневековья — балтийско-волжского пути и пути «из варяг в греки». Первый из них сыграл особо значимую роль.

В конце I тыс. н. э. торговля со странами Исламского Востока была единственным источником поступления серебра в Восточную Европу. Часть его оседала здесь, другая же по водным путям попадала в страны Балтики. Началу торговли восточным серебром (70-80-е гг. VIII в.) способствовал целый ряд обстоятельств — потребность в металле экономики славян, вошедших в ходе расселения в контакт с населением Хазарского каганата, подъем экономики и интенсивная чеканка монеты в Багдадском халифате, мирные отношения, установившиеся между Хазарией и арабами[19]. Серебро поступало на Русь двумя основными путями. Один из них пролегал по Дону и Северскому Донцу, второй — по Волге, через Булгар (рис. 2). По рекам Волго-Окского междуречья серебро попадало в верховья Волги[20].

Анализ распространения на территории Новгородской земли монетного серебра периода его массового ввоза из стран Востока (IX — 70-е годы X в.) показал, что основной поток серебряной монеты направлялся с Верхней Волги к истоку Волхова по рекам ильменского бассейна — по Мсте или по Явони и Поле. Серебро широко использовалось населением Приильменья, а часть его уходила по Волхову на Балтику[21].

Ладога и несколько примыкающих к ней поселений являлись яркой, но обособленной группой, выдвинутой далеко на север от основного ядра славянского расселения (рис. 3). В своей основе стремительное возвышение Ладоги во второй половине VIII-IX вв. было вызвано ее посреднической ролью в восточной торговле, а также деятельностью, связанной с обслуживанием пути (обмен товаров, ремесло, судостроение, обеспечение безопасности пути, контрольные функции и проч.). Экономика Ладоги была ориентирована на внешние связи, а в состав ее жителей входили представители разных этносов — славяне, скандинавы, финны. Ладога являлась воротами на Балтику, если двигаться с юга, и она же была началом

[19] Янин 1956; Ляпушкин 1968: 150, 151; Даркевич 1967: 148; Фомин 1982: 18; Noonan 1981: 51, 52.

[20] Янин 1956: 104-106; Ляпушкин 1968: 152; Леонтьев 1986: 5; 1989: 82; Булкин, Мачинский 1986: 17, 18; Фомин 1988: 114; Дубов 1989: 173-180, рис. 53.

[21] Носов 1976: 95-110; Nosov 1980: 49-62.

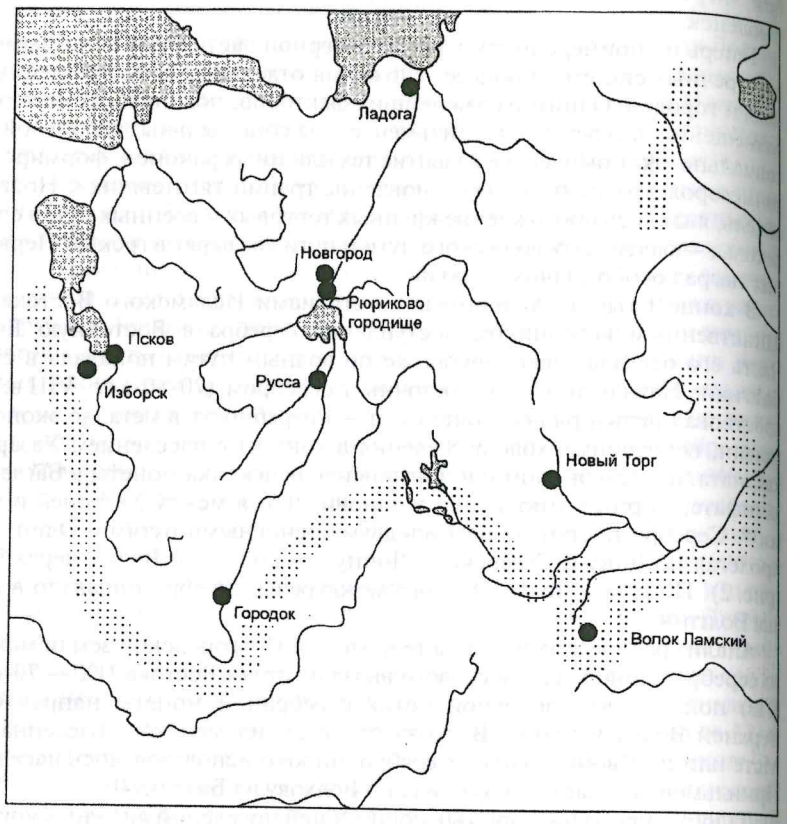

Рис. 3. Новгородская земля в начале XII в.

пути с севера вглубь континента, где кончались традиции морского судоходства и начиналось движение по рекам через волоки и пороги, что требовало совсем иных навыков (в 9 км выше поселения начинались опаснейшие волховские или гостинопольские пороги). Таким образом, место расположения Ладоги было определено общей географической ситуацией в регионе. Точно так же природные условия обусловили и конкретный участок возникновения поселка. Ладожское поселение находилось на достаточно низком мысу, при впадении в Волхов речки Ладожки, образующей прекрасную бухту для стоянки судов. Нигде в низовьях Волхова до порогов нет столь удобной местности для размещения торгово-ремесленного поселения на оживленной водной магистрали.

На Волхове четко просматривается приуроченность укрепленных поселений к наиболее сложным, ключевым участкам водного пути — гостинопольским порогам (городище Новые Дубовики), пчевским порогам (городище Городище), раздвоению Волхова на рукава (Холопий городок, Рюриково городище). Это говорит о стремлении обеспечить безопасность пути и контроль над ним, а также облегчить преодоление наиболее сложных участков. Подобную приуроченность поселений можно рассматривать и как свидетельство существования организующей силы, которая стремилась регулировать движение по водной магистрали и обладала соответствующей властью[22]. В латинской редакции проекта договора Новгорода с ганзейским союзом городов 1268 г. на Волхове отмечены пристани и оговорены условия плавания[23]. Надо думать, что эта этапность пути не являлась нововведением XIII в., а восходила к концу I тыс. н. э.[24] Имеющиеся археологические материалы это подтверждают (ряд остановок, упомянутых в XIII в., совпадает с местами расположения укрепленных поселений конца I тыс. н. э.).

Географические выгоды расположения района истока Волхова нельзя недооценивать. Именно здесь, как я уже отмечал, сходилась разветвленная сеть рек, охватывавшая обширные территории, и соединялись важнейшие маршруты международных путей. Здесь роль, близкую Ладоге, с IX в. играло Рюриково городище — древнейший Новый город русских летописей[25].

Другие города новгородской земли также возникли в ключевых местах водных путей (рис. 3). Так начиналась на пути из Приильменья к Волге история Нового Торга (Торжка), находившегося на р. Тверце, после волока из рек ильменского бассейна. Аналогичным образом возник Волок Ламский, выдвинутый Новгородом далеко на юго-восток на самый водораздел Верхней Волги и бассейна Оки. В верховьях Ловати вне первона-

[22] Носов 1976а: 76-81; 1981: 18-24; Носов, Плохов 1997: 148-150.
[23] Бережков 1879: 152-153; Никитский 1893: 144-145.
[24] Брим 1931: 222-226.
[25] Носов 1997: 278-279.

чального ядра Новгородской земли и вне сгустков местных поселений не позднее середины X в. был основан Городок — исторический предшественник древних Лук (Великие Луки). Поселение контролировало и обслуживало движение по Ловати[26].

Таким образом, водные пути с «узелками» укрепленных поселений на ключевых участках и «узлами» зарождающихся городов составили основу Новгородской земли X в., стали центрами распространения публичной власти государства. Это были те кровеносные сосуды, которые поддерживали ритм жизни населения Приильменья, стягивали в единое целое обширные территории. Появление первых городских поселений в Северной Руси было обусловлено дальней торговлей, активно вовлекавшей в экономические отношения сельское население и способствовавшей формированию местных рынков, ремеслом, ориентированным на обслуживание торговых путей и военно-дружинных слоев общества, а также свойственными подобным поселениям «центральными функциями» управления. При благоприятных условиях опорные городки вырастали в города[27].

Если реки, по которым проходили водные пути, стягивали территории, то водоразделы между речными системами были важнейшими рубежами, разграничивавшими древнерусские земли. Неслучайно граница Новгородской земли с Полоцкой и Смоленскими землями четко пролегала по водоразделу Ловати, Куньи и Полы с реками бассейна Западной Двины и Волги. Естественные рубежи отделяли Новгородские владения и от земель Северо-Восточной Руси. Это были обширные пространства заболоченных лесов, занимавших водоразделы рек ильменского бассейна и верхних притоков Волги — Тверцы, Медведицы и Мологи с Чагодощей (рис. 3). С. М. Соловьев точно заметил, что волоки на водоразделах «нигде не имеют такого важного значения, как у нас в России, ибо заменяют отчасти горы»[28].

Преодоление водоразделов требовало значительных усилий и специальной организации перехода. Здесь должны были находиться группы людей, занятых на проводке судов и перемещении товаров. Договор («Правда») Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г. сохранил до нас описание подобной организации движения по сухопутной части пути после плаванья по Западной Двине. Товары перевозились на телегах («колах») согласно определенным правилам и взималась плата[29]. Именно на водоразделах осуществлялся княжеский, государственный контроль за речным движением и собирались пошлины. Картография топонимов «Княжее село», «Княжево», предпринятая Л. В. Алексеевым для района Оковского

[26] Носов 1992: 22-26.
[27] Носов 1993а: 7, 8.
[28] Соловьев 1988: 60.
[29] ПРП 1953: 63.

леса, убедительно показала их приуроченность к местам волоков между верховьями Днепра, Волги и Западной Двины[30].

Таким образом, в процессе славянского расселения в Восточной Европе, образования основных городских центров и формирования территорий отдельных земель древнерусского государства речная сеть этого региона сыграла крайне важную, а порой решающую роль, что убедительно подтверждает правомерность постановки С. М. Соловьевым и В. О. Ключевским вопроса о влиянии естественно-географических условий страны на ход русской истории.

Литература

Авдусин Д. А. 1991. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнездово: 3-20. М.

Алексеев Л. В. 1974. «Оковский лес» Повести временных лет // Культура средневековой Руси: 5-11. Л.

Барсов Н. П. 1873. Очерки русской исторической географии. М.

Бережков М. 1879. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. М.

Бернштейн-Коган С. В. 1950. Путь из варяг в греки // Вопросы географии. № 20: 239-270.

Брим В. А. 1931. Путь из варяг в греки // Известия АН СССР. № 2.

Булкин В. А., Мачинский Д. А. 1986. Русь конца VIII — начала X вв. на балтийско-волжском и балто-донском путях // Финно-угры и славяне (Проблемы историко-культурных контактов): 13-26. Сыктывкар.

Даркевич В. П. 1976. Художественный металл Востока VIII-XIII вв. М.

Дмитриев С. С., Ковальченко И. Д. 1988. Историк Сергей Михайлович Соловьев. Его жизнь, труды, научное наследство // С. М. Соловьев. Сочинения. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1-2: 6-48. М.

Дулов А. В. 1983. Географическая среда и история России (конец XV — середина XIX века). М.

Дубов И. В. 1989. Великий Волжский путь. Л.

Кизилов Ю. А. 1973. Географический фактор в истории средневековой Руси // ВИ. № 3: 51-66.

Ключевский В. О. 1956. Сочинения. Т. I. Курс русской истории. Ч. 1. М.

Кузнецов С. К. 1910. Русская историческая география. М.

Леонтьев А. Е. 1986. Волжско-балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. № 183: 3-9.

Леонтьев А. Е. 1989. Тимерево. Проблема исторической интерпретации археологического памятника // СА. № 3: 79-86.

Любавский М. К. 1909. Историческая география России в связи с колонизацией. М., (изд. литографским способом).

Ляпушкин И. И. 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). Историко-археологические очерки // МИА № 152. Л.

Микляев А. М. 1992. Путь «из варяг в греки» (зимняя версия) // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Тезисы научной конференции): 1323-138. Новгород.

Никитский А. И. 1893. История экономического быта Великого Новгорода. М.

[30] Алексеев 1974: 7, 11, рис. 2.

Носов Е. Н. 1976. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII-X вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VIII: 95-110.
Носов Е. Н. 1976а. Поселение у волховских порогов // КСИА. 146: 76-81.
Носов Е. Н. 1981 Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э. // КСИА. № 164: 18-24.
Носов Е. Н. 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
Носов Е. Н. 1992. Новгородская земля IX — XI вв. (Историко-археологические очерки): Автореф. дис... докт. ист. наук. Л.
Носов Е. Н. 1993. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики): 59-78.
Носов Е. Н. 1993а. Происхождение первых городов Северной Руси (к изучению проблемы) // Феодальная Россия. Новые исследования: 5-10. Спб.
Носов Е. Н. 1997. У истоков Новгорода // Славянский средневековый город / Труды VI международного Конгресса славянской археологии. Т. 2: 272-285.
Носов, Е. Н., Плохов А. В. 1997. Холопий городок на Волхове // Древности Поволховья: 129-152. СПб.
Пашуто, В. Т., Шульгин В. С. 1988. Комментарии // С. М. Соловьев. Сочинения. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1-2: 721-739. М.
ПРП 1953 // Памятники русского права. Вып. 2. М.
Пушкина Т. А. 1996. Гнездово — на пути из варяг в греки // Путь из варяг в греки: 20-27. М.
Рыбаков Б. А. 1982. Киевская Русь и русские княжества X-XIII вв. М.
Седов В. В. 1976. Путь «из варяг в греки» // VII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии / Тезисы докл. Ч. 1.: 134-136. Л.-М.
Середонин С. М. 1916. Историческая география. Пгр.
Соловьев С. М. 1988. Сочинения. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1-2. М.
Спицын А. А. 1917. Русская историческая география. Пгр.
Толочко П. П. 1975. Киевская земля // Древнерусские княжества X-XI вв.: 5-56. М.
Толочко П. П. 1987. Древняя Русь. Очерки социально политической истории. Киев.
Фомин А. В. 1982. Начало распространения куфических монет в районе Балтики // КСИА № 171: 16-21.
Фомин А. В. 1988. Выжегский клад куфических монет первой половины IX века // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси): 103-131. М.
Янин В. Л. 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья: (Домонгольский период). М.
Nosov E. N. 1980. International trade routes and early urban centres in the north of Ancient Russia // Fenno-ugri et slavi 1978: 49-62. Helsinki.
Noonan T. S. 1981. Ninth-Century Dirham Hoards from European Russia: A Preliminary Analysis // Viking-Age Coinage in the Northern Lands: The Sixth Oxford Symposium on Coinage and Monetary History (British Archaeological Reports. International Series. No 122): 47-117. Oxford.

П. П. Толочко

КИЕВ И НОВГОРОД XII—нач. XIII вв. В НОВГОРОДСКОМ ЛЕТОПИСАНИИ

В историографии советского периода сложился устойчивый стереотип, согласно которому с наступлением феодальной раздробленности Руси связи между ее землями-княжествами глохнут, а единая река государственно-политической истории огромной страны как бы разветвляется на ряд независимых потоков. Еще более популярным такой взгляд стал в наше время, когда общее древнерусское наследие вновь оказалось разделенным границами отдельных государств, а историки занялись поиском этнической идентичности современных восточнославянских народов уже в эпохе Киевской Руси.

Задача настоящего исследования, представляющего часть большой исторической темы «Киев и Новгород IX-XIII вв.», состоит в выявлении характера политического взаимодействия двух крупнейших центров Руси периода феодальной раздробленности. Автор сознательно попытался посмотреть на эту проблему глазами не киевских — «имперских», а новгородских летописцев, чей взгляд в данном случае представляется более реалистичным. К тому же автор надеется, что это скромное исследование внесет дополнительный штрих и в социально-политический образ древнего Новгорода, который так полно и всесторонне воссоздан трудами В. Л. Янина.

Из всех древнерусских летописей XII-XIII вв. новгородские наиболее сориентированы на описание внутренней жизни города и земли. В них нашли освещение события, связанные с избранием архиепископов, игуменов и священников, строительством мостов через Волхов, избранием посадников, введением и изгнанием князей, неурожаями и голодом, ересями и социальными конфликтами. Летописные записи поданы с такой мерой детализации, наполнены таким количеством фактов, что представляют собой своеобразную энциклопедию истории Новгорода XII — 40-х годов XIII в.

И, тем не менее, горизонт новгородских летописцев не ограничивался пределами Новгорода и его земли. В поле их зрения постоянно попадали и события, происходившие в других княжествах Руси. Известия о киевских и, шире, южнорусских событиях носят в новгородской летописи преимущественно хроникальный характер. Сказанное относится не только к таким сведениям, как прибытие в Киев греческого митрополита или утверждения на киевском столе очередного претендента, но и сообщений об упокоении великих киевских князей. Смерть Владимира Мономаха, подвигшая киевского летописца на торжественный панегирик, у новгородского